

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Алла Скоробогатова.</i> ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ЛУНЕ?! ..	9
<i>Назия Ахмедова.</i> ВОРОБЬИНЫЙ ЯЗЫК	19
<i>Владислава Иная.</i> ЖОРЖИК И НОВАЯ ЖИЗНЬ ..	39
<i>Вячеслав Стефаненко.</i> ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ	49
<i>Юлиана Якуббо.</i> ОСТРОЕ НЕБО	60
<i>Дарья Фокина.</i> НИКЧЕМНЫЙ ЗЯТЁК	65
<i>Кира Вострова.</i> СВЕТ ЧУЖИХ ОКОН	72
<i>Ангелина Мониц.</i> ПРУД	81
<i>Светлана Федотова.</i> ПЕРЕКРЕСТОК МНИМОЙ ВЕРЫ	92
<i>Алла Салькова.</i> ЗВЕЗДОЧКИ	101
<i>Алена Новская.</i> МАРАНАФА	109
<i>Елена Альмалибре.</i> ПЧЁЛ	119
<i>Ира Крамер.</i> СВАДЬБА НА КАРАНТИНЕ	128
<i>Мария Родюшкина.</i> ПЕСОК В БОТИНКАХ	138
<i>туFiveFrancs.</i> АЭРОПОРТ. ФОНАРЬ. АПТЕКА ...	144
<i>Олеся Стаховская.</i> ВДВОЕМ С ПАРИЖЕМ	153
<i>Елена Дьячкова.</i> КОСТЮМ ДЯДИ ДЖОЗЕФА ...	164
<i>Елена Клиф.</i> АГЕНОР	174
ДЖАЛИДА	178
<i>Алексей Мюллер.</i> ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ТИБОЛЬД ГЕЛБЕР ОНЕМЕЛ	189
<i>Светлана Сологуб.</i> ПЕЙ, ПОКА ГОРЯЧИЙ	201

БЕЗО ВСЯКИХ ШАЛОСТЕЙ	206
ОДЕРЖИМОСТЬ	213
ОН ОЧЕНЬ УСТАЛ	215
<i>Вячеслав Стефаненко. В ТИХОМ БЕЗМОЛВИИ</i>	
СПАСЕНИЕ НАМ	218
<i>Владимир Кочетков. БЕГСТВО</i>	229
<i>Лариса Каневская. ЯЩИК ВОДКИ</i>	240
<i>Анатолий Ростокин. ПЛОХАЯ СТАТИСТИКА ...</i>	251
<i>Гаянэ Степанян. МОЙ АУСТЕРЛИЦ</i>	260
<i>Лариса Каневская. ЛЕВИ СТРАУС</i>	278
<i>Назия Ажмедова. УГОЛЬ И ПАСТЕЛЬ</i>	295
<i>Олеся Стаховская. АГЕНТ ПРЕЗИДЕНТА</i>	299
<i>Алексей Мюллер. ДЖАЗ</i>	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Эмма Б. желает познакомиться»... Возможно, вы подумаете, что книга, которую держите в руках, об одинокой женщине и исключительно о любви. Отнюдь!

- ✓ **Эмма Б.** — это Эмма Бовари, героиня знаменитого романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари»;
- ✓ **Флобер** — имя великого писателя, давшее название компании «Флобериум», под крышей которой впервые в России соединились литературное агентство и литературная мастерская. Основанная в 2019 году писателем Татьяной Булатовой и редактором Ольгой Аминовой школа писательского мастерства базируется на эстетике Гюстава Флобера;
- ✓ а **желает познакомиться** героиня романа... с новыми персонажами, сочиненными писателями, завершившими курс обучения в литературной мастерской «Флобериум».

Таким образом, книга, привлекающая ваше внимание, — это, во-первых, сборник произведений новых, не известных пока широкой аудитории писателей, чьи имена, мы уверены, в скором времени зазвучат. Во-вторых, это собрание самых лучших рассказов, созданных на протяжении двух лет работы школы, кураторами и мастерами которой в разное время были Дина Рубина, Анна Берсенева, Александр Мелихов, Галина

Артемьева, Семен Злотников, Валерий Бочков. И, в-третьих, это книга о жизни во всем ее многообразии, поэтому и о любви тоже.

Сборник составлен таким образом, чтобы читать было интересно. Ритм чувств, которые вы будете испытывать при знакомстве с произведениями, динамичный и многообразный: трагедия соседствует с комедией, реализм — с постмодернизмом, социально-бытовая проза — с фантастической.

А еще на страницах книги есть визитные карточки начинающих писателей, чтобы вы запомнили эти имена и со временем ждали их дебютов уже отдельными книгами. Мы знаем, что так и будет, потому что лучшим выпускникам литературной мастерской «Флобериум» предоставляем агентское сопровождение. И за время, пока готовился этот сборник, при содействии литературного агентства «Флобериум» вышло несколько книг наших авторов.

Уверены, что желание Эммы Б., литературной героини середины XIX века, познакомиться с персонажами века XXI окажется созвучным вашему желанию открыть для себя новые писательские имена, новые звучания традиционных тем.

АЛЛА СКОРОБОГАТОВА

Родилась в 1961 году.

Живет в Москве.

Руководитель HR-службы.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ЛУНЕ?!

Мы такие молодые... что даже смешно... Мой новоиспеченный супруг наконец получает долгожданное назначение (свекор обещал и помог). Правда, нам придется провести пару лет вдали от Москвы. И там есть ограничения по режиму. Но зато это открывает реальные возможности для быстрого продвижения. Мы вылетаем в срочном режиме, и моя мама горько плачет — она не успела привыкнуть к мысли, что мне придется уехать, даже временно.

Глава 1

Живем размеренно и скучновато. По воскресеньям, если Олег не на службе, гуляем в парке, на Ратушной площади или ходим в кино (муж уже почти понимает местных на бытовом уровне, и я тоже начинаю).

В начале лета с нами случается самое серьезное событие, которое только может произойти

с молодой парой: я узнаю, что беременна. Олег радуется и огорчается одновременно: я твердо решила после шести месяцев уехать домой, к маме, ему придется остаться одному на неопределенный срок... Но все равно он рад.

Здесь есть поликлиника с настоящим акушерским отделением. Меня сразу прикрепляют к ней. Акушер-гинеколог — необъятная дама среднего возраста.

Поначалу все благополучно. Я все рассказала по телефону маме. Она очень взволнована и счастлива. Хочет, чтобы я скорее приехала, чтобы обеспечить мне правильное питание и режим.

На одиннадцатой неделе я сдаю кровь «на ХГЧ»¹, как говорит мой доктор. И вот тут впервые появляется тревога: мой акушер с озабоченным лицом сообщает мне, что показатели выше нормы. Для этого есть много жутких причин, одна из них — синдром Дауна у плода... Но анализ — вероятностный, он может и не отражать реальной ситуации. Мне назначается УЗИ. Показатель, который будут исследовать, — толщина воротниковой зоны плода.

Накануне мне не удастся заснуть. Я не верю, что со мною может случиться такое несчастье, но показатели анализа почему-то же выше нормы...

¹ Хорионический гонадотропин человека — гормон, вырабатываемый внешней оболочкой зародыша.

Глава 2

Я лежу на жесткой кушетке. Рядом на вращающемся стуле сидит специалист, который должен сделать УЗИ. Врач старается успокоить меня, шутит: он уже знает о причинах беспокойства, но настроен самым оптимистическим образом.

Доктор бодро диктует медсестре размеры частей тела малыша. К середине процедуры он делается серьезнее, его голос звучит совсем официально.

Я все еще надеюсь, что это ни о чем не говорит...

Мне предлагают пройти в кабинет акушера, который ведет мою беременность. Так положено после УЗИ?

Моя необъятная дама беспристрастно сообщает: у плода увеличен размер воротниковой зоны... Это, скорее всего, свидетельствует о его генетическом пороке (она перечисляет возможные недуги, я могу запомнить из них только все тот же синдром Дауна). Мне предлагают подумать о том, чтобы прервать беременность... задают вопрос, как я намерена поступить. Как?.. Я не хочу поступать никак... я хочу уйти из этой действительности в другую. В ту, которая была еще утром... еще час назад...

Мир уходит из-под ног... я перестаю говорить и понимать слова. Меня пересаживают в кресло, связываются с мужем.

Я не могу вспомнить, как оказываюсь дома. Олег молчалив и подавлен. Он с тревогой всматривается в мое лицо, приносит плед...

НАЗИЯ АХМЕДОВА

Родилась в 1984 году.
Живет в Баку (Азербайджан).
Экономист.

ВОРОБЬИНЫЙ ЯЗЫК

Русский язык: «Китайская грамота»
Азербайджанский язык: «Не говори
на воробьином языке»
Английский язык: «Это греческий для меня»
Греческий язык: «Арабская грамота»
Арабский язык: «Я что? Говорю на хинди?»

«**Н**е говори со мной на воробьином языке!» — впервые эту фразу я услышал от бабушки. Мне было тогда не больше, чем пальцев на руке. Я сидел на ковре, поджав под себя ноги, и возился с кубиками. Яркими, блестящими кубиками из тонкого металла с разными буквами на каждой из сторон. Отец привез их из последней своей поездки в Москву. Каждый вечер мы с ним рассыпали кубики на ковер и он учил меня читать, составляя слова из букв.

— Ма-ма, па-па, ня-ня, — я старательно собирал своих родных в слова.

— Нет, так не пойдет, — поправляя папа, — «няня» — по-русски — неродной человек, кото-

рый за деньги присматривает за детьми. Лучше «ба-буш-ка» напиши. Смотри, сколько кубиков используем! — Папа вытягивал на ковре длинную змейку из семи букв.

— Тогда «не-не», — не сдавался я.

— Тоже не пойдет: как будто тебе десятый стакан чая предлагают, а ты настолько напился, что еле говоришь, отказываясь.

— Нэ-нэ?

— Тоже не то! Грубо звучит. А ведь это слово про ласку, которой твоя бабушка тебя балует. Ну нет в русском языке нужного звука! — папа тоже не был настроен сдаваться. — Давай «ба-бушка»! А если немного изменим, то получится «Баку» — наш родной город.

На этом месте бабушка, мать моего отца, пристально наблюдавшая за нами со своей тахты, презрительно фыркала и поднимала глаза на противоположную стену, где встречалась взглядом со своим покойным мужем, который неодобрительно смотрел на нашу возню на его любимом ковре. Губы дедушки были скрыты усами и бородой, но мне всегда казалось, что он тоже недовольно фыркает, глядя, как его сын и внук не могут составить «пэ-пэ» как следует.

«Nэпэ» — так я называл свою бабушку, и звучало это так нежно, так изящно балансировали звуки между русскими «йа» и «йэ», что бабушка, и без того безумно любившая меня, при этом слове, произносимом мною тысячу раз на дню, превращалась в мягкое сливочное масло, похожее на то, которое мама топила в огромной кастрюле

на кухне. Бабушка, которая была известна на весь дом своим крутым нравом, не могла мне ни в чем отказать. Она вставала рано утром, чтоб замесить и раскатать пресное тесто до тончайших слоев, завернуть в него вкуснейшие выжарки, оставшиеся на дне казана после перетопленного масла или курдюка, закрутить спиралью, пожарить и поставить эти ароматные лепешки — фасали? фсяли? фсели? опять не хватает того нежного звука! — передо мной на завтрак. Я по традиции посыпал хрустящее нежное тесто сахарным песком («пәпә» следила, чтоб обильно!) и блаженно толстел на радость бабушке и ее знакомым. Не радовалась этому только мама. Но, кажется, она вообще редко радовалась тому, что делала бабушка. Ее действия вызывали у бабушки аналогичную реакцию. Мама всегда говорила со мной по-русски, хоть и была чистокровной азербайджанкой. Отец — и так, и так. Бабушка — только по-азербайджански. Мне было удивительно наблюдать, как ее ласковый голос при разговоре со мной менялся на резкий властный тон по отношению к маме. Они часто спорили, а я наивно полагал, что это — из-за непонимания, так как говорят они на разных языках, вот и приходится кричать друг другу, чтоб понятнее стало.

Так вот, к чему это я все? Ах да! Можете представить себе, как я был поражен, когда попросил бабушку помочь мне составить какое-то слово из кубиков, а всегда ласковая ко мне «пәпә» вдруг резко бросила по-азербайджански:

— Не говори со мной на воробьином языке!

Помню, что расплакался и убежал к маме на кухню. Мама стояла у плиты в домашних брюках и мягкой кофте, вся такая тоненькая, и варила один из тех овощных супов, которые бабушка никогда не ела из-за того, что там больше овощей, чем мяса. Мама — дипломированный врач — считала своим долгом кормить нас такими блюдами, которые сейчас называют «правильным питанием», сильно расходящимся с традиционной — безумно вкусной и слишком питательной — национальной кухней.

— Не переживай, — сказала мама, ставя передо мной на стол тарелку с кружочками сырой моркови, — ну, не знает она по-русски. А ты пристал к ней. Она даже и по-азербайджански с трудом читает, — мама слегка понизила голос, — твои кубики для нее как китайская грамота.

На кухонной стене напротив меня висел календарь с гейшами, на каждой странице которого красовались аккуратные столбики иероглифов. Я и сам частенько зависал над тарелкой супа, разглядывая прихотливые линии и закорючки разной длины. Разницы между Японией и Китаем я особо не видел, так что иероглифы календаря вполне устраивали меня в качестве китайской грамоты. Только не понимал, почему русский язык бабушка сравнила с воробьиным чириканьем.

— У нас так не только про русский, про любой язык говорят, который непонятен, — улыбнулась мама. Но в следующую секунду она вновь отвернулась к плите. В кухню зашла бабушка. Она переваливалась с ноги на ногу, будто утка, шурша

тысячей своих юбок, под которыми летом носила тонкие шелковые шаровары, а зимой — кальсоны покойного дедушки. Бабушка фыркнула, глядя на меня, и с шумом захлопнула дверь холодильника, поставив передо мной блюдце с жирной сметаной. Я довольно стал макать скучную морковку в блюдце. «Чирикающая утка», — подумалось мне. Я захихикал, а бабушка, смерив меня строгим взглядом, сказала что-то маме. Мама коротко ответила и забрала у меня блюдце со сметаной. Быстро затолкав в рот оставшуюся морковку, я сбежал с кухни, где разгоралась очередная ссора, по-видимому, на тему моего веса. Я к такому был привычен и не придавал особого значения. Их перебранка была одним из аккордов моего детства.

Надо сказать, меня еще мучали игрой на фортепиано. Я искренне, всей душой ненавидел то время, когда к нам приходила старая соседка, бывшая пианистка, и терзала меня клавишами. У меня сразу начинал болеть живот, глаза, голова, появлялась жажда и хотелось в туалет. Но наша соседка была слишком опытной, чтоб поддаваться на подобные провокации. Спасал только папа. Как только он возвращался с работы, заканчивались мои музыкальные мучения и прекращались все ссоры. Мама с бабушкой по негласному договору поднимали белый флаг, а соседка-пианистка испарялась как по команде.

Папа был высоким, румяным и усатым, но его усы были совсем не похожи на дедушкины с портрета. Папины были тонкие, призванные сообщать лицу какой-то задор, нежели строгость.